

Добродетельная
тирания
*Классическая
политическая
философия
в поисках новой
терминологии*

Александр Павлов

Кандидат юридических наук, доцент школы философии факультета гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Адрес: 105066, Москва, ул. Старая Басманная, 21/4.
E-mail: apavlov@hse.ru.

Ключевые слова: политическая теология; классическая политическая философия; добродетельная тирания; Платон; Ксенофонт; Аристотель; Лео Штраус.

Автор предлагает рассматривать классическую тиранию, какой ее знали

В истории политической мысли сложно вспомнить другое столь же популярное высказывание, каким стало высказывание лорда Актона: «Власть развращает. Абсолютная власть развращает абсолютно». Однако чем чаще данный афоризм используется, тем меньше обращают внимание на его содержательную сторону. Столь же звучный,

Статья подготовлена в рамках исследования № 15-05-0044 «Метанойя: поворот к трансцендентному и материальному в современной политической теологии» при поддержке программы «Научный фонд Национального исследовательского университета „Высшая школа экономики“ (НИУ ВШЭ)» в 2015–2016 годах и с использованием средств субсидии на государственную поддержку ведущих университетов Российской Федерации в целях повышения их конкурентоспособности среди ведущих мировых научно-образовательных центров, выделенной НИУ ВШЭ.

в Древней Греции, и вместе с ней ее современные формы как один из главных предметов политической теории. Опираясь на анализ Лео Штрауса диалога Ксенофонта «Гиерон, или Слово о тирании», автор пытается использовать штраусианскую методологию для прочтения текстов двух других древнегреческих политических философов — Платона и Аристотеля. В тексте отмечается, что стремление Ксенофонта улучшить тиранию хотя бы на теоретическом уровне не является уникальным, хотя и наиболее полным и ярким, и присуще рассуждениям других философов, которых Штраус называл «великими». С точки зрения автора, все три мыслителя стремились представить ситуацию, в которой худший политический режим — тирания — мог быть улучшен, или же сразу описывали новый тип лучшей тирании, который противопоставлялся тирании худшей.

Лучшая тирания в теории была бы возможна благодаря деятельности лучших людей, обладающих главной добродетелью — мудростью (философы) либо приближенных к мудрости (поэты). Автор отмечает, что по каким-то причинам философы не предложили нового термина для феномена, о котором пытались размышлять, что сделал за них Лео Штраус, предложив описывать этот режим как «добродетельную тиранию». Кроме того, в тексте отмечается важное и сознательное игнорирование той части текстов древнегреческих философов, которая касалась их взглядов на добродетельную тиранию. Они почти не касаются вопросов о богах и о загробной жизни, так как даже улучшенная тирания, основанная не нелегитимном приобретении власти, остается плохим политическим режимом, и, следовательно, в потустороннем мире души тиранов, какими бы они ни были, получают по заслугам.

сколь и сомнительный, он таит в себе определенную магию: его стремятся скорее цитировать, нежели осмыслить. Дело не в том, что власть не развращает, но в том, что развращает она не всегда и даже есть вероятность, что при определенных условиях абсолютная власть может не развращать хотя бы абсолютно. В этом отношении афоризм можно было бы оспорить с позиций античной политической философии, всерьез озабоченной проблемой тирании.

Тираническая власть, с одной стороны, безусловно, развращает того, кто ею обладает, а с другой стороны, человек, который стремился к ней, уже по определению плох. Абсолютная царская власть не развращает ее держателя, ведь она находится в руках добродетельного человека, беспокоящегося об общем благе. Лишь в случае тирании и других непривлекательных режимов идет речь о «развращении» и «взаимном оплодотворении пороком»: не просто абсолютная власть развращает того, кто ее заполучил, но и тот, кто ее желает, руководим своими пороками. Однако нерелевантность суждения лорда Актона с позиции древнегреческой мысли обосновывается отнюдь не только этим.

Древние, на что крайне редко обращают внимание исследователи истории политической философии, всерьез полагали, что даже худший режим, во главе которого стоит уже развращенный абсолютной властью правитель, все еще может быть улучшен. Причем улучшен в строго определенных рамках — без того, чтобы произошла его смена или же передача правления другому лицу. Иными словами, абсолютная власть вполне способна развращать абсолютно, но при должных советах со стороны лучших и мудрых людей (как мы увидим, далеко не все мудрые люди могут претендовать на звание лучших) порок можно сдержать или хотя бы направить его таким образом, чтобы не идти вразрез с представлениями об общем благе.

Ключевой тезис настоящей статьи следующий: тирания, считавшаяся в античной политической философии худшим режимом, с точки зрения главных мыслителей Античности (Платона, Ксенофонта, Аристотеля), при определенных обстоятельствах могла рассматриваться в качестве наиболее желаемой формы правления. Однако при этом она непременно должна была соответствовать ряду дополнительных условий, придающих ей крайне специфический оттенок.

Теоретические рассуждения о том, при каких обстоятельствах мог бы быть улучшен худший политический режим, характерны для всех упоминаемых мыслителей. Выделяются они прежде всего тем, что находились в поиске новой терминологии для описания тирании, совершенно отличной от той, которую эти авторы привыкли осуждать морально. Последняя задача вновь стала актуальной для современных теоретиков.

Политический философ XX века Эрик Фёгелин, обобщая книгу Лео Штрауса «О тирании», отмечает, что после долгих поисков адекватного наименования для «нового государя» лишь Макиавелли нашел подходящее — «вооруженный пророк»¹. Однако «вооруженный пророк» — не вполне то же самое, что «добродетельный тиран» Платона, Ксенофонта и Аристотеля. В конце концов, анализируя текст Ксенофонта, точный термин предложил как раз-таки Штраус: именно он окрестил этот феномен «добродетельной тиранией».

Важным следствием данного тезиса является то, что философы, выдвигая гипотезу о новой форме тирании и предлагая ее подро-

1. Павлов А. О тирании и искусстве письма // Социологическое обозрение. 2011. Т. 10. № 3. С. 121; Фёгелин Э. «О тирании» Лео Штрауса // Социологическое обозрение. 2011. Т. 10. № 3. С. 128.

ный анализ, почти всегда избегали вопроса о религии. Ксенофонт, описывая тиранию в «Гиероне», хранит по этому вопросу практически полное молчание; единственное, что отсылает в диалоге к представлениям о богах, — лишь очень косвенные намеки, на которые указывает тот же Штраус². Аристотель вскользь упоминает, что необычный тиран, который обладает достаточной мудростью, чтобы казаться царем, должен использовать религию лишь утилитарным образом. И только Платон в своих рассуждениях об имманентном зле тирании прибегает к мифологии о загробной жизни.

Объясняя, почему душа тирана несчастна и какое наказание ожидает его в потустороннем мире, Платон вступает на почву того, что можно было бы назвать «политической теологией» (или даже «несекулярной политической теологией»). Обещая тиранам мучения не в этой жизни (действительно, что может их ожидать здесь кроме смерти — в крайнем случае насильственной?), Платон обращается к описанию трансцендентной области, где справедливость будет восстановлена, и худшие люди, коими являются тираны, прославлявшие порок и творившие его при правлении, получают по заслугам. В этом смысле вера в загробную жизнь — или хотя бы рассуждения о ней — придает политической мысли Платона некий трансцендентный смысл.

Почему обращение к классическим взглядам на тиранию так актуально? Известно, что Платон и Аристотель оказали влияние не только на философию, но и на политическую науку. Однако то, насколько сильно оказалось влияние их учений на представление о тирании, остается под вопросом. Также можно было говорить и о Ксенофонте, пока Лео Штраус не обратил внимание на забытое и в определенном смысле не замечаемое исследователями «тираническое учение» классика древнегреческой мысли. Несмотря на то что проблема тирании («сверстница политической жизни», как говорил Штраус) оставалась важной во все времена, далеко не всегда исследователи учитывают те тексты, в которых обсуждаются основы основ.

Даже в современных работах наследие Ксенофонта обходят вниманием. Например, в фундаментальной книге 1995 года «Теории тирании от Платона до Арндт» Роджера Боше ожидаемо разбираются идеи Платона, Аристотеля, Никколо Макиавелли и даже Зигмунда Фрейда³. Но Боше, обращаясь к истории

2. *Штраус Л.* О тирании. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2006. С. 193, прим. 40.

3. См.: *Bätsche R.* Theories of Tyranny from Plato to Arendt. University Park: The Pennsylvania State University Press, 1995.

политической мысли о тирании, не упоминает ни Ксенофонта, ни Штрауса. Не учитывая теоретический вклад Ксенофонта, однако, нельзя надеяться адекватно понять мысль Платона и Аристотеля.

Возвращение к истокам

Древнегреческие философы, рассуждая о тирании, поставили вечный вопрос, на который вслед за ними пытались отвечать иные мыслители вплоть до наших дней. Политическая философия, обсуждая лучший режим, говорит и о худшем. Тирания — самый плохой режим и в то же время самый интересный, поэтому многие обращались к подробному анализу именно ее.

Например, на противопоставлении «христианского государя» и тирана строится существенная часть работы Эразма Роттердамского «Воспитание христианского государя»⁴. Впоследствии Монтескье будет в подробностях описывать характер «деспотического режима». Список авторов можно было бы легко продлить. Однако во многом, какими бы оригинальными ни были идеи этих мыслителей, все они вынуждены пребывать в тени наследия древнегреческой политической философии, которое требует постановки вопросов о том, что такое худшая форма правления, почему она такова и что с ней можно сделать.

В XX веке многие мыслители, столкнувшись с новыми вызовами политической философии, обратились к проблеме осмысления различных форм тирании. Немецкоязычные философы, перебравшиеся в США, такие как Франц Нойманн и Ханна Арендт, описывая тоталитаризм, не обращались к его корням⁵. Раймондо Кубедду в своем описании политической мысли австрийской школы часто упоминает книгу «О тирании» Штрауса в контексте философских интерпретаций тоталитаризма наряду с авторами, мысль которых он исследует подробно. Обращаясь к великим произведениям, посвященным анализу патологии политических режимов (например, к «Дороге к рабству» Фридриха фон Хайека), «Истоки тоталитаризма» Арендт он цитирует значительно реже⁶.

4. См.: *Эразм Роттердамский*. Воспитание христианского государя. М.: Мысль, 2001. С. 13–58.

5. См.: *Арендт Х.* Истоки тоталитаризма. М.: ЦентрКом, 1996; *Нойманн Ф.* Бегемот. Структура и практика национал-социализма 1933–1934 гг. СПб.: Владимир Даль, 2015.

6. См.: *Кубедду Р.* Политическая философия австрийской школы. М.: ИРИСЭН, Мысль, 2008.

Если посмотреть на тех, кого Кюббеду упоминает чаще всего, то среди этих мыслителей (Хайек, Фёгелин, Поппер) Штраус стоит особняком. Так, текст Хайека, скорее, публицистическая работа на злобу дня, равно как и книга Поппера «Открытое общество и его враги». Фёгелин, подобно Попперу, но куда более основательно, обращается к западной истории мысли, чтобы показать «корни авторитаризма», и, естественно, обнаруживает их отнюдь не в философии Платона⁷. Все указанные философы так или иначе рассуждают об относительно современном явлении и причинах, которые к нему привели, в то время как книга Штрауса — всего лишь анализ диалога Ксенофонта.

И тем не менее Штраус обращает внимание читателей, что «современная тирания» (на момент середины XX века), даже если она располагает ресурсами определенных «технологий» и «идеологий», суть свою не меняет ровно с самого момента возникновения⁸. Иными словами, благодаря изучению представлений о ней древних общество могло бы понять тиранию современную. Книга Штрауса (к слову, первая работа, изданная им в Соединенных Штатах), несмотря на узкую направленность, оказалась полезной для многих современных ученых. В своих целях ее цитируют социологи Гельмут Шек и Зигмунт Бауман⁹.

Однако Штраус, пускай он и тщательно разобрал «тираническое учение» Ксенофонта, не посвятил отдельных трудов анализу представлений Платона и Аристотеля. Между тем, как мы покажем далее, похожие мотивы можно найти и у них, что говорит о том, что тирания если и не была главным предметом для классической политической философии, то занимала в ней не последнее место. Поэтому в методологическом плане при анализе текстов древних мы будем следовать за мыслью и интенциями Штрауса.

Собственно, как древние понимали тиранию? Наиболее точным может быть следующее определение: тирания — несправедливое правление одного лица, власть которого была получена незаконным путем и осуществлялась в его интересах. Другой отличительный признак — при тиране непременно должны служить наемники, а не граждане его государства, ведь послед-

7. См.: Voegelin E. The New Science of Politics: An Introduction. Columbia: University of Missouri Press, 2000.

8. Штраус Л. Указ. соч. С. 64.

9. Шек Г. Зависть: теория социального поведения. М.: ИРИСЭН, 2008. С. 289; Бауман З. Текучая современность. СПб.: Питер, 2008. С. 53–56.

ние обыкновенно охраняют царя¹⁰. Например, Аристотель указывает на это как на одну из важных черт режима; у Ксенофонта, когда тиран спрашивает совета у поэта о том, не следует ли ему избавиться от наемников, если режим в итоге станет лучше, советник отвечает, что так поступать нельзя ни в коем случае¹¹. Штраус тоже выделяет данное место¹². Кроме того, обычно тирания характеризовалась отсутствием законов или пренебрежением ими, а также жестокими методами управления.

Важно отметить, что тирания стала однозначно восприниматься в качестве худшей формы правления исключительно с подачи классических философов. Они первыми стали наделять ее негативными коннотациями. До них тирания воспринималась как обычный политический режим, при котором один человек пришел к власти нелегитимным путем; но никто не полагал, что ему внутренне присущ порок уже на том основании, что он стремится к единоличной власти. Термин «тирания» не был ценностно нагруженным до того, как Платон обратил на нее свое внимание.

Следовательно, «тиран» путем силы или обмана приходил к власти, но необязательно становился злодеем, угнетающим подданных¹³. Как показывает Боше, некоторые из тиранов были довольно «прогрессивны» и в иных случаях могли преследовать интересы подданных, а часто и всего народа, в отличие от политики предшествующих «законных» правителей¹⁴. Однако если верить описаниям Аристотеля, который опирается во многом на конкретные данные, нежели на собственные представления о порочных режимах, то большинство тираний были все же «худшими», а потому и самыми недолговечными из существующих форм.

Интерес к тирании и ее «улучшению» возник у греков благодаря их пониманию идеи общего блага. Неограниченная власть давала неограниченные возможности, и философы пытались представить себе ситуацию, при которой правление тиранов, совсем не предполагая какого бы то ни было стремления к добродетели, могло бы преследовать в том числе и общее благо, пусть часто из исключительно корыстных соображений.

Древние исходили из того, что есть худшие и лучшие люди, что первые порочны, а вторые добродетельны; первые стре-

10. *Аристотель*. Политика // Он же. Собр. соч.: В 4 т. М.: Мысль, 1984. Т. 4. С. 553.

11. *Ксенофонт*. Гиерон, или Слово о тирании // Штраус Л. Указ. соч. С. 59.

12. Там же. С. 118.

13. *Andrewes A.* The Greek Tyrants. L.: Hutchinson & Co, 1956. P. 21.

14. *Boesche R.* Op. cit. P. 7.

мятся к удовольствию и хотят избежать страданий, тогда как вторые пытаются овладеть мудростью; первым для удовлетворения их прихотей нужна власть, в то время как вторым она не требуется, но именно они, будучи мудрыми людьми, должны помочь власть предержащим отправлять правление самым достойным образом. Они давали бы советы правителям, чтобы те заботились не только о собственном удовольствии, но и о жизни подданных, что в итоге привело бы к «общему благу» и первых, и последних.

Однако мудрыми могут быть не только философы, но и поэты. В отличие от философов поэты точно так же могут давать советы правителям, но уже не в интересах блага граждан, скорее, в своих собственных. Значит, и некоторые из них также стремятся к удовольствию, а не к добродетели и не по назначению используют полученную мудрость. В этом смысле поэты являются не лучшими людьми — они представляют из себя «софистов»¹⁵. Платон не раз осуждал их и даже в одном месте конкретно высказался, что не любит поэтов за то, что они заискивают перед тиранами. В «Государстве» цитируется строка из Еврипида: «Тираны мудры ведь, общаясь с мудрыми». И далее комментируется так: «И как он до небес превозносит тираническую власть и многое другое в этом деле — он и остальные поэты!»¹⁶ В свою очередь, Ксенофонт вложил «тираническое учение» о совершенствовании худшего режима в уста не философа, но мудрого поэта, цели которого так и остаются до конца неясными.

Итак, что же конкретно классические политические философы говорят по поводу тирании?

Тирания у Платона

Детальная реконструкция учения Платона о тирании — сама по себе важная задача для исследователей политической философии. Однако поскольку мы преследуем иную цель, то обрисовуем его доктрину лишь пунктирно. Платон был одним из пер-

15. На протяжении всего своего текста восхваляя мудрость Симонида, к концу книги Лео Штраус походя замечает: «Если софистом прозывается человек, использующий свою мудрость ради корыстных целей и применяющий искусство обмана, то Симонид был софистом» (*Штраус Л.* Указ. соч. С. 161).

16. Платон. Государство // Он же. Собр. соч.: В 4 т. М.: Мысль, 1994. Т. 3. С. 357.

вых, кто начал систематически рассуждать на темы, связанные с общественной жизнью, и говорить о философии как о политическом проекте. Именно Платону принадлежит идея того, что философы, наделенные особыми знаниями, должны быть правителями в идеальном государстве и что лучше их править не сможет никто, хотя сами они в этом не заинтересованы.

Штраус пишет, что вся политическая философия Платона выражена в трех произведениях, а именно: в «Государстве», «Политике» и «Законах»¹⁷. Можно сказать больше: данные диалоги написаны в разное время и затрагивают разные темы, каждый из них имеет собственный предмет, и в конечном итоге они выстраивают своеобразную иерархию представлений о наиболее желаемом политическом проекте.

Ключевая мысль «Политика» подчинена главной идее «Государства», в то время как выводы «Законов» поддерживают тезисы «Политика». Схематично это выглядит так: править должны либо мудрые политики, основываясь на знании («Государство»), либо идеальные политики, основываясь на истинном мнении («Политик»), либо законы, которые будут заложены в государстве при помощи мудрых людей («Законы»). В «Политике» тирания в качестве термина почти не фигурирует, в то время как в двух прочих диалогах Платон высказывает разные мысли об этом режиме.

В «Государстве» Платон описывает не только идеальный политический режим, но и прочие известные, каждый из которых хуже предшествующего: аристократия, тимократия (или тимархия), олигархия, демократия и, наконец, самый ужасный — тирания. Однако последнему Платон уделяет не в пример больше внимания, чем всем остальным, за исключением идеального. Так, он рассуждает о тирании в восьмой и девятой книгах, то есть значительно больше, чем о других формах правления, речь о которых идет лишь в восьмой.

Платон также непременно обсуждает «антропологический тип», который характерен для каждой из форм правления; именно критическая масса людей, относящихся к «демократическим» или «олигархическим людям», делает режим таким, каков он есть. Вместе с тем если Платон говорит, скорее, о характерах и мировоззрении этих людей, то при обсуждении тирании он обращается к душе тирана — несчастнейшей из всех

17. См.: Штраус Л. Платон // Он же. Введение в политическую философию. М.: Праксис, 2000.

возможных. Для философа было крайне важно проговорить, чем является «тирания», почему она представляет собой худший режим, что такое «тиранический человек» и чем он отличается от тирана.

Однако если в «Государстве» Платон напрямую осуждает тиранию, то в «Законах» он высказывается совершенно иным образом (при условии, что текст мы все же приписываем ему). Он отмечает, что лучшей основой для построения нового государства, власть в котором будет принадлежать законам, является именно тирания — с учетом того, что тирану выпадет редкая удача и при нем окажется мудрый советник¹⁸. Более того, Платон утверждает, что чем меньше у зарождающегося государства будет тиранов, тем лучше ситуация станет для правителя, имеющего благородную цель. Впрочем, в будущем их место должны занять строго регламентированные законы.

Видимое противоречие легко разрешается, если учитывать, кто именно высказывается в диалогах и при каких обстоятельствах. В поддержку «лучшей тирании» говорит главный герой «Законов», афинянин, а не Сократ, и призвана она для построения государства законов, а не государства философов: законы древними всегда ценились ниже, чем мудрость лучших людей. Даже незаконная тирания, по крайней мере в идеальных представлениях Ксенофонта, лучше тех режимов, что построены на законах.

Говоря о тирании в «Законах», Платон имеет в виду совершенно другой ее тип, нежели тот, что описывается в «Государстве», а именно сильную и неограниченную власть человека, сдерживаемую лишь мудростью советников. Предполагается также, что тираническую власть в «Законах» получает совсем не тиранический человек, что опять же делает новый режим особенным. На деле тирания «Законов» восходит к платоновскому «Политику», которого философ наделяет неограниченными полномочиями: даже в том случае, если он будет отправлять насилие по отношению к своим подданным, они обязаны терпеть, поскольку неспособны увидеть благие пожелания правителя. В этом смысле монархию, в которой действуют законы, в «Политике» Платон ценит ниже, чем ту, во главе которой стоит идеальный правитель, опирающийся в решениях на истинное мнение¹⁹.

18. Платон. Законы//Он же. Собр. соч. Т. 4. С. 161.

19. См.: Он же. Политик//Он же. Собр. соч. Т. 4. С. 3–70.

«Государство» предлагает взгляд на тирана как на несчастнейшего из людей, неспособного получать удовольствия, хотя именно они являются целью его жизни. При разговоре о лучших режимах используется противопоставление понятий добродетель — порок. При анализе тирании в ход идет уже другая пара: удовольствие — страдание. В идеальном (или хотя бы в хорошем) политическом режиме правители стремятся к добродетели, избегая порока и осуждая его, в то время как тиран желает лишь удовольствий и старается избегать страданий.

Сократ в «Государстве» осуждает тиранию и, описывая ее сущностные черты, объясняет собеседникам, чем же она плоха. Допустим тирану необходимы телохранители, которые являются наемниками. Тогда он вынужден отгородить себя от друзей и даже изгнать их, набрать чуждых ему людей для своей охраны. Тиран всегда находится в опасности, а тирания недолговечна. Он никому не доверяет, пребывает в постоянном страхе и окружает себя худшими людьми. Одним словом, все худшее, что может быть в политике, олицетворяет тирания.

Сократ пытается доказать, что многие люди стремятся к тирании потому, что они порочны, то есть ориентируются лишь на получение удовольствия. Они полагают, будто вместе с властью получают неограниченный доступ к различным наслаждениям. В действительности, взойдя на трон, они тотчас понимают, что удовольствие им недоступно и что быть тираном — одно из главных несчастий.

Фактически те же взгляды излагает и Ксенофонт в первой части диалога «Гиерон, или Слово о тирании». Правда, у Ксенофонта держатель единоличной власти сам признается в своем бедственном положении, что, разумеется, более важно, так как мы имеем информацию о несчастьях тирана из первых рук. Но «тиранический человек» во многом лучше тирана, по мнению платоновского Сократа, ведь он еще не получил власть и только мечтает о ней, в то время как тиран, бывший некогда «тираническим человеком» и впоследствии получивший неограниченную власть, уже сотворил множество злодеяний.

Таким образом, согласно Платону (Ксенофонт раскрывает данную мысль в более сложном контексте) существует тиранический режим, который вместо того, чтобы быть худшим, становится привлекательным в некоторой ситуации. Таковым его делает мудрость советников, согласившихся дать рекомендации тирану относительно уже существующего правления, то есть мудрецы делятся с правителями своей добродетелью — знанием.

Однако ни Платон, ни Ксенофонт не предоставляют адекватного термина для обозначения усовершенствованной тирании и поэтому оставляют за ней право по-прежнему называться тиранией. Вопрос состоит в том, почему они, обнаружив новый язык описания проблемы, не предлагают нам нового понятия.

Тирания у Ксенофонта

То, что Штраус обсуждает проблему тирании на примере диалога Ксенофонта, неслучайно²⁰. Ксенофонт посвятил ей отдельный труд, тогда как Платон и Аристотель помещают свои рассуждения в более широкий контекст. Ксенофонт идет дальше Платона и после закономерного осуждения худшего политического режима пытается предложить способы его улучшения. Неподготовленный читатель, познакомившись с диалогом без прочтения комментариев, может не увидеть многих деталей: именно Штраус обращает внимание на все следствия и ключевые импликации разговора двух действующих лиц — поэта Симонида и тирана Гиерона.

И все же Штраус практически обходит стороной важный факт. Симонид и Гиерон — это реальные исторические персонажи, и Симонид был известен, в частности, тем, что стал первым поэтом, который продавал стихи за деньги²¹. Гиерон же, как пишет Аристотель, был благополучным тираном, правление которого растянулось на десятилетие (по сравнению с другими тираниями срок весьма продолжительный)²². Вероятно, реальный Гиерон воспользовался некоторыми советами реального поэта, близкого к мудрости. Но вопрос об успешности его правления следует адресовать уже историкам. У Ксенофонта Гиерон остается человеком, который лишь гипотетически может осуществить проект «добродетельной тирании» в будущем.

Диалог начинается с важных слов: «Однажды Симонид пришел к тирану Гиерону, когда у обоих выдался досуг». Мы впра-

20. См.: *Ксенофонт*. Гиерон, или Слово о тирании. О поверхностном отношении к ключевым проблемам политической философии говорит случай более раннего перевода диалога Ксенофонта на русский язык, название которого, как станет ясно ниже, запрограммировано на фундаментальное непонимание сущности текста, см.: *Он же*. Гиерон, или О единовластии // Книга Государя: Антология политической мысли / Под ред. Р.Светлова, И.Гончарова. СПб.: Амфора, 2004. С. 86–109.

21. Павлов А. Указ. соч. С. 119.

22. *Аристотель*. Указ. соч. С. 566.

ве предположить, что Симонид, будучи человеком более свободным, ожидал случая встретиться (ведь это он *пришел* к тирану и, видимо, по некоей причине) с Гиероном и навестил его в момент, когда тот был расположен к беседе. Симонид начинает разговор с вопроса, что значит быть тираном. На что Гиерон отвечает, что уже так давно не является частным лицом, что не знает, чем тиран от него отличается; если же Симонид напомним ему, что означает быть частным лицом, тот скажет, в чем заключаются различия.

Тиран может опасаться чужестранца, так как не имеет представления о цели его визита: как правитель, он вправе полагать, что поэт замышляет недоброе, на что указывает и Штраус²³. Симонид — не придворный поэт, что делает мотивы его беседы с могущественным правителем еще более смутными и в то же время любопытными. Поэт предстает в глазах тирана тираническим человеком, ищущим абсолютной власти. Вот почему Гиерон проявляет осторожность при ответе на довольно странный вопрос: ведь при наличии даже поверхностных знаний о тирании очевидно, каково быть во главе этого режима.

Симонид с готовностью начинает отвечать, воспроизводя точку зрения не поэта, но частного лица — в полном соответствии с просьбой Гиерона. Симонид делает упор на обыденные представления о тирании и замечает, что тирану доступны многие удовольствия. Штраус обращает внимание (и это очень важно), что другие значимые темы, такие как справедливость, патриотизм и т. д., позднее вводятся в разговор уже Гиероном.

И впрямь, многие порочные люди стремятся получить удовольствия для тела или, быть может, для тела и души, но не удовольствия исключительно для души. В итоге все утверждения относительно телесных наслаждений, которые, как предполагает Симонид, важны для частного лица, Гиерон опровергает. Тиран доказывает, что все они ему недоступны: он не получает истинной любви ни от юношей, ни от девушек, а любая похвала — это всего лишь лесть; он не может выехать за пределы государства, потому что боится, что его схватят и казнят; он никому не доверяет, не может спокойно спать и отдыхать, потому что боится, что его отравят или убьют во сне.

К середине диалога Гиерон готов признать, что тиран — несчастнейший из людей. В итоге он сообщает, что тираны на-

23. Штраус Л. О тирании. С. 99–100.

столько злополучны, что, если кому и следует повеситься, так это им. Оказывается, тирания, к которой так стремятся многие, — неудовлетворительный режим даже для главного, казалось бы, выгодополучателя. Однако Симонид, высказавшись как частное лицо, еще ничего не сказал о сущности тирании, будучи человеком, близким к мудрости. Теперь Гиерон вынужден разузнать у Симонида, как можно усовершенствовать этот политический режим и исправить ситуацию, в которую он попал. Симонид подводит Гиерона к просьбе о совете. Лишь в ответ на нее поэт преподает урок политической мудрости тирану.

Симонид дает конкретные советы, как усовершенствовать правление без того, чтобы оно перестало быть тираническим. Собственно, он рекомендует Гиерону не жалеть средств на развитие собственного города, не участвовать в спортивных состязаниях самому, а выдвигать лучших спортсменов и т.д. Весь комплекс рекомендаций должен облагородить тиранию. Однако, как замечает Штраус, Симонид лишь обещает Гиерону счастье в будущем. Мы не знаем, воспользуется ли Гиерон советами Симонида, а если даже воспользуется, то к чему в итоге это может привести.

Впрочем, тиран внимательно слушает поэта: если в первой половине диалога говорил в основном Гиерон, то во второй говорит Симонид. При этом любопытно, что на протяжении первой половины используется слово «тиран», в то время как во второй уже используется слово «правитель». Таким образом, теперь разговор идет о тирании, на деле не являющейся той, о которой шла речь ранее.

Симонид излагает Гиерону привлекательный проект правления. В этом отношении, как замечает Штраус, Ксенофонт становится той точкой, в которой сходятся древняя мысль и мысль современная, которая берет свое начало от Макиавелли²⁴. Можно сказать, трактат Макиавелли «Государь» — своеобразная кавер-версия «Гиерона». Однако «Государь» — это все же трактат: не диалог, а монолог, в котором есть только советник правителя и никого больше.

Подобно Ксенофону, Макиавелли избегает различий между «царем» и «тираном», используя термин «государь», а также представляет свое учение лишь во второй части, посвящая первую общим рассуждениям и историческим примерам. И точно так же, как Симонид при Гиероне, Макиавелли не зна-

24. Там же. С. 65–67.

ет, послушается ли его советов тот, кому адресована книга. Широко известно, что Макиавелли читал «Гиерона» Ксенофонта и заимствовал его идеи. Впрочем, как отмечает Штраус, если Ксенофонт предпочитает хранить молчание по вопросам нравственности, то Макиавелли красноречиво объявляет, что надо пренебрегать нормами морали. Выходит, что Ксенофонт мудрее, чем многие современные мыслители, даже такие прозорливые, как Макиавелли.

Проблема, которую Ксенофонт ставит в такой интересной драматической форме, будет обсуждаема и детально проанализирована Аристотелем. И то, что Симонид говорит неявно, Аристотель выскажет прямо. Несмотря на попутные замечания Штрауса, согласно которым Аристотель — беспристрастный историк и наблюдатель, его описания того, как тираны сохраняют власть и как они преследуют цель «играть царя», все же могут послужить лучшим политическим пособием для начинающего тирана.

Тирания у Аристотеля

В отличие от Ксенофонта и Платона, непосредственных учеников Сократа, Аристотель излагает свою политическую философию в форме трактата, а не диалога. Тиранию, как и некоторые другие режимы, Аристотель обсуждает в пятой книге «Политики», посвященной государственным переворотам.

Главный обсуждаемый им вопрос — почему те или иные политические режимы терпят крах и в каких случаях они могут просуществовать дольше. И пускай в классификации Аристотеля шесть наименований — царская власть и тирания, аристократия и олигархия, полития и демократия, — обсуждаются им в этой книге в основном олигархия и демократия как наиболее распространенные и отнюдь не самые лучшие режимы.

Особое внимание Аристотель уделяет тирании, про которую говорит, что она совмещает в себе худшие черты демократии и олигархии. Он указывает, что монархическое правление разделяется на тиранию и царскую власть, а потому часто обращается к их сравнению. В тексте философ дает определение тирании, говорит, что ей свойственно, в результате чего она возникает, кто может стать тираном и почему тиранические режимы столь недолговечны. Соответственно, он объясняет, по каким причинам она являет из себя худшую форму правления, рассуждая в унисон с Платоном и Ксенофонтом.

Тираном, по Аристотелю, может стать всякий человек. «Тиранический человек» в представлении философа заполучает бразды правления так же, как и у Макиавелли: либо силой, либо хитростью — посредством злоупотребления властью. Если царь — это всегда благородный человек, то тираном становится простолудин, который с помощью демагогии присваивает власть и использует ее в собственных интересах, преследуя получение удовольствий.

Поскольку, скорее всего, тиран — государь нежеланный, он не может править добродетельно. Указывая на шаткость его власти, Аристотель приводит множество примеров переворотов, в ходе которых тирана свергали, будь то из презрения, ненависти, мести или борьбы за собственность. Философ упоминает, как один тиран во время пиршества обратился к своему молодому любовнику с вопросом, не забеременел ли тот еще от него (ненависть). Другого же застали сидящим за пряжей с женщинами, после чего он лишился власти (презрение).

Но тиранию делают тиранией во многом те методы правления, которые она использует. Аристотель говорит о трех главных задачах, стоящих перед ней. Первая — поселить малодушие в подданных; то есть тиран наносит вред народу тем, что вселяет в него страх. Вторая — посеять раздор и взаимное недоверие между людьми. Наконец, третья — лишить их политической энергии: «никто не решится на невозможное, значит, и на низвержение тирании, раз у него нет на то силы»²⁵. Это и есть основные инструменты, с помощью которых тиран может поддерживать политический режим.

Тиран может, к примеру, сделать ставку на рабов и женщин: именно в силу возвышения женщин, которые будут публично обсуждать дела мужей, тем самым унижая их, если потребуются; мужчины в итоге лишатся политической энергии. Ему также следует постоянно держать людей на виду, контролировать их деятельность, следить за их общением. Еще один способ управления — это война, которая ослабляет государство, но не дает гражданам плести интриги, лишает их сил, изматывает и т. д.

Аристотель не выступает как советник тирана, но наряду с традиционной тиранией описывает другой политический режим, который на нее не слишком похож. Фактически его слова о тирании в конце пятой книги представляют из себя своеобразный синтез идей Платона и Ксенофонта.

25. *Аристотель*. Указ. соч. С. 561–562.

Сперва Аристотель подвергает тиранию критике — объясняет, насколько она вредна, а методы, которые она использует, плохи, и доказывает, почему это недолговечный режим. Если Платон ее осуждает (устаами Сократа), а Ксенофонт размышляет о том, может ли она быть лучшим режимом (и вкладывает учение в речи поэта Симонида), то Аристотель высказывается от собственного имени в пользу тирании, которая бы заняла промежуточное положение между царской властью и той, о которой шла речь выше. Он не знает, как назвать этот режим, поэтому использует старый термин, но непременно отмечает, что в нем *тиран играет царя*. И даже более того — он не кажется, а в действительности является «домоправителем» и «опекуном»²⁶.

Аристотель допускает, что тирания может быть таким режимом, который бы работал на добродетель, хотя сам добродетельным вовсе бы не был. Это режим, который по сути остается тираническим, но не воспринимается таковым подданными. В одном из наиболее важных пунктов Аристотель описывает, что тиран при таком устройстве должен оказывать множество почестей мудрым, самым достойным людям, дабы те чувствовали, будто живут при аристократии или монархической власти. Традиционная тирания избавляется от таких людей, поэтому Аристотель готов восхвалять тот ее вид, который бы ценил мудрость.

Главным в мысли Аристотеля остается то, что правитель должен не быть, а казаться добродетельным, то есть заботиться о том, как он выглядит в глазах людей. Платон режим, хотя бы «кажущийся справедливым», все-таки осуждал. Аристотель также говорит, что тирану, который хочет сохранить власть, нужно действовать во всем не как обычный тиран, а наоборот: ему не следует унижать людей, отнимать у них собственность, лишать людей достоинства и т.д. Он замечает, что такой тиран должен почести воздавать сам, в то время как бремя наказания перекладывать на других. К слову, мысль о том, что зло нужно делать чужими руками, а добро — собственными, со ссылкой на Аристотеля высказывает и Эразм:

Не следует пренебрегать советом, который дал по этому поводу Аристотель, — чтобы *государь* (курсив мой. — А. П.), который желает избежать ненависти подданных и заслужить

26. Там же. С. 562–563.

их расположение, для неприятных дел выбирал исполнителей, а похвальные делал сам²⁷.

В отечественном издании Эразма в примечании редактора и переводчика точно сказано, что этот «совет» Аристотель адресует тиранам, а не царям. Однако в нем не говорится о том, что именно вытекает из пассажа Эразма. Свои размышления Эразм, как бегло отмечалось выше, выстраивает на противопоставлении «христианского государя» и тирана, а значит, именно последний и выступает у него в качестве примера для подражания.

Хотя Аристотель говорит о данном приеме в контексте «добродетельной тирании», этот инструмент по-прежнему остается прерогативой тирана. Сам Эразм опускает эту деталь; в итоге одно неосторожное послание «добродетельному правителю» ставит под вопрос всю его концепцию. Такой же совет дает своему государю Макиавелли, призывая нарушать нормы морали, а также Ксенофонт — Гиерону. Описание прочной тирании в «Политике» похоже на рекомендации Симонида, разве что Аристотель пытается сохранить статус стороннего наблюдателя.

Аддендум вместо заключения

Итак, Штраус в своем анализе «Гиерона» ставит, быть может, наиболее важный вопрос для понимания представлений о тирании всех упомянутых политических философов: может ли тирания — худшая форма правления — соответствовать самым высоким политическим стандартам? Или иначе: может ли худший режим быть лучшим, оставаясь при этом тем же самым?

Вместо того чтобы выяснять, что есть лучший, а что — худший режим, Штраус спрашивает, способен тиран сделать свою форму правления лучше или даже приблизить ее к идеалу. Уже сама постановка этой проблемы интереснее и важнее, чем ее разрешение. Вместе с тем ответ довольно простой: в то время как тирания мыслится в категориях страдания и удовольствия, философы пытаются рассматривать ее если не в качестве добродетельной, то по крайней мере как работающую на добродетель; при этом последняя должна быть гарантирована людьми, близкими к мудрости или обладающими ей.

Вклад Штрауса в решение проблемы об улучшении тирании заключается в том, что он совершенно точно обозначил ее как «добродетельную тиранию», предложив новый термин для ее

27. Эразм Роттердамский. Указ. соч. С. 72–73.

описания. Вместе с тем «добродетельная тирания», как бы улучшена она ни была, в основе своей остается именно тиранией.

И все-таки до сих пор не был прояснен вопрос, касающийся взаимосвязи тирании и религии. Какое отношение все это имеет к политической теологии? Если последняя означает политические размышления о сверхъестественном, то взгляды Платона на тиранию определенно могут быть описаны в ее терминах, в то время как тема эта только имплицитно присутствует у Ксенофонта и лишь в малой степени у Аристотеля.

Намеренное умолчание о возмездии и наказании для тирана, пускай даже добродетельного, о его пребывании в потустороннем мире указывает на то, что вопрос этот для «тиранического учения» важен и ощущается им очень остро. С одной стороны, при создании «добродетельной тирании» он непременно должен быть опущен, так как введение категории богов и трансцендентного мира может отвлечь тирана от желания хотя бы казаться добродетельным: если наказание неотвратимо, зачем в таком случае стараться? С другой стороны, тирания — и тем более «тирания добродетельная» — никак не может быть сопричастна любым рассуждениям о сверхъестественном.

В этом смысле Аристотель рассуждает довольно «секулярно», отмечая, что примерное служение богам благотворно скажется на имидже тирана:

...следует постоянно показывать особенное рвение ко всему, касающемуся религиозного культа: если подданные считают правителя человеком богобоязненным и усердным в делах культа, они менее опасаются потерпеть от него что-либо незаконное и реже станут злоумышлять против него, так как он имеет союзниками богов²⁸.

И только Платон, однозначно осуждая тиранию устами Сократа, предупреждает нас о том, чем грозит тирану его загробная жизнь. И если Платон мог позволить себе осудить душу тирана и показать ее страдания, то Ксенофонт и Аристотель в описании «добродетельной тирании» не могли касаться теологических проблем, иначе они вынуждены были бы осудить тирана, тогда как задача их состояла в том, чтобы создать привлекательный образ худшего политического режима.

То, что Ксенофонт и Аристотель хранят молчание по этому поводу, еще не значит, будто в их философии отсутствует

28. *Аристотель*. Указ. соч. С. 563.

элемент «политической теологии» — она намеренно скрывается за их рассуждениями о «добродетельной тирании». И если вернуться к самому началу статьи, то можно сделать следующий вывод. Абсолютная власть не только развращает, как отмечал лорд Актон, но также и позволяет скорректировать правление ее держателя лучшим образом, хотя бы с внешней точки зрения превращая тиранию в такую власть, которая кажется царской, или «добродетельную тиранию», как охарактеризовал ее за древних греков Лео Штраус.

Литература

- Andrewes A. The Greek Tyrants. L.: Hutchinson & Co, 1956.
- Böesche R. Theories of Tyranny from Plato to Arendt. University Park: The Pennsylvania State University Press, 1995.
- Voegelin E. The New Science of Politics: An Introduction. Columbia: University of Missouri Press, 2000.
- Арендт Х. Истоки тоталитаризма. М.: ЦентрКом, 1996.
- Аристотель. Политика // Он же. Соч.: В 4 т. М.: Мысль, 1984. Т. 4. С. 375–644.
- Бауман З. Текущая современность. СПб.: Питер, 2008.
- Ксенофонт. Гиерон, или О единовластии // Книга Государя: Антология политической мысли / Под ред. Р. Светлова, И. Гончарова. СПб.: Амфора, 2004. С. 86–109.
- Ксенофонт. Гиерон, или Слово о тирании // Штраус Л. О тирании. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2006. С. 39–62.
- Кубедду Р. Политическая философия австрийской школы. М.: ИРИСЭН, Мысль, 2008.
- Нойманн Ф. Бегемот. Структура и практика национал-социализма 1933–1934 гг. СПб.: Владимир Даль, 2015.
- Павлов А. О тирании и искусстве письма // Социологическое обозрение. 2011. Т. 10. № 3. С. 115–124.
- Платон. Государство // Он же. Соч.: В 4 т. М.: Мысль, 1994. Т. 3. С. 79–420.
- Платон. Законы // Он же. Соч.: В 4 т. Т. 4. С. 71–437.
- Платон. Политик // Он же. Соч.: В 4 т. Т. 4. С. 3–70.
- Фёгелин Э. «О тирании» Лео Штрауса // Социологическое обозрение. 2011. Т. 10. № 3. С. 125–130.
- Шек Г. Зависть: теория социального поведения. М.: ИРИСЭН, 2008.
- Штраус Л. О тирании. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2006.
- Штраус Л. Платон // Он же. Введение в политическую философию. М.: Праксис, 2000. С. 204–263.
- Эразм Роттердамский. Воспитание христианского государя. М.: Мысль, 2001.

Virtuous Tyranny. Classical Political Philosophy in Search of a New Terminology

Alexander Pavlov. PhD in Law, Associate Professor at the School of Philosophy of the Faculty of Humanities of National Research University Higher School of Economics.
Address: 21 / 4 Staraya Basmannaya str.,

105066 Moscow, Russia. E-mail: apavlov@hse.ru.

Keywords: political theology; classical political philosophy; virtuous tyranny; Plato; Xenophon; Aristotle; Leo Strauss.

In this article, the author proposes to examine classical tyranny as it was known in Ancient Greece alongside modern forms of tyranny as the main objects of political theory. Based on the Leo Strauss's analysis of Xenophon's dialogue *Hiero or Tyrannicus*, the author uses the straussian approach in examining texts by two other Ancient Greek philosophers—Plato and Aristotle. It is noted that Xenophon's aspirations to improve tyranny at least on a theoretical level are not unique (though still the complete and clear), and are typical for other philosophers, whom Strauss called as "great." The author argues that all three thinkers sought to imagine the situation in which the worst political regime—tyranny—could be improved, or they tried to describe a new and better type of tyranny which would stand in contrast to a worse tyranny.

In theory, a better tyranny could be made possible through the activities of the best people who possess the virtue of wisdom (i. e., philosophers), or who are close to wisdom (i. e., poets). The author notes that for some reason, philosophers have not proposed any new term to denote the phenomenon which they tried to work out. This was done for them by Leo Strauss, who proposed to describe this regime as "virtuous tyranny." In addition, the text indicates the important and demonstrative emptiness in those parts of Ancient Greek philosophers' texts which concerned their views regarding virtuous tyranny. They almost did not touch upon questions about God and afterlife because even the improved type of tyranny, based on illegitimate acquisition of power, is still a bad political regime, and hence in the afterlife the souls of the tyrants will get what they deserve.

References

- Andrewes A. *The Greek Tyrants*, London, Hutchinson & Co, 1956.
- Arendt H. *Istoki totalitarizma* [The Origins of Totalitarianism], Moscow, Tsentr-Kom, 1996.
- Aristotle. *Politika* [Politics]. *Soch.:* V 4 t. T. 4 [Works: In 4 vols. Vol. 4], Moscow, Mysl', 1983, P. 375–644.
- Bauman Z. *Tekuchaia sovremennost'* [Liquid Modernity], Saint Petersburg, Piter, 2008.
- Böesche R. *Theories of Tyranny from Plato to Arendt*, University Park, The Pennsylvania State University Press, 1995.
- Cubeddu R. *Politicheskaia filosofii avstriiskoi shkoly* [The Political Philosophy of the Austrian School], Moscow, IRISN, Mysl', 2008.
- Desiderius Erasmus. *Vospitanie khristianskogo gosudaria* [Education of a Christian Prince], Moscow, Mysl', 2001.
- Neumann F. *Begemot. Struktura i praktika natsional-sotsializma 1933–1934 gg.* [Behemoth: The Structure and Practice of National Socialism 1933–1944], Saint Petersburg, Vladimir Dal', 2015.
- Pavlov A. V. O tiranii i iskusstve pis'ma [On Tyranny and the Art of Writing]. *Sotsiologicheskoe obozrenie* [Russian Sociological Review], 2011, Vol. 10, no. 3, P. 115–124.
- Plato. *Gosudarstvo* [Republic]. *Soch.:* V 4 t. T. 3 [Works: In 4 vols. Vol. 3], Moscow, Mysl', 1994, P. 79–420.
- Plato. *Politik* [Statesman]. *Soch.:* V 4 t. T. 4 [Works: In 4 vols. Vol. 4], Moscow, Mysl', 1994, P. 3–70.
- Plato. *Zakony* [Laws]. *Soch.:* V 4 t. T. 4 [Works: In 4 vols. Vol. 4], Moscow, Mysl', 1994, P. 71–437.
- Schoeck H. *Zavist': teoriia sotsial'nogo povedeniia* [Envy. A Theory of Social Behaviour], Moscow, IRISN, 2008.
- Strauss L. *O tiranii* [On Tyranny], Saint Petersburg, Izd-vo SPbGU, 2006.
- Strauss L. *Platon* [Plato]. *Vvedenie v politicheskuiu filosofiiu* [An Introduction to Political Philosophy], Moscow, Praksis, 2000, P. 204–263.

- Voegelin E. «O tiranii» Leo Shtrausa [Leo Strauss' «On Tyranny»]. *Sotsiologicheskoe obozrenie* [Russian Sociological Review], 2011, Vol. 10, no. 3, P. 125–130.
- Voegelin E. *The New Science of Politics: An Introduction*, Columbia, University of Missouri Press, 2000.
- Xenophon. Gieron, ili O edinovlastii [Hiero, or On Autocracy]. *Kniga Gosudaria: Antologiya politicheskoi mysli* [The Book of Ruler: Anthology of Political Thought] (eds R. Svetlov, I. Goncharov), Saint Petersburg, Amfora, 2004, P. 86–109.
- Xenophon. Gieron, ili Slovo o tiranii [Hiero, or Sermon on Tyranny]. In: Strauss L. *O tiranii* [On Tyranny], Saint Petersburg, Izd-vo SPbGU, 2006, P. 39–62.